

Альманах
Искусство революции

Руслан Каблахов

Искусство революции

«Издательские решения»

Каблахов Р.

Искусство революции / Р. Каблахов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907722-6

Наш альманах «Искусство революции» целиком посвящён людям труда: их жизни, радостям, проблемам и надеждам. Человек труда — достаточно широкое определение. Это может быть и рабочий на производстве, и учёный, учитель или земледелец, художник или инженер, и медицинский работник. Словом, все те, кто работают на благо других людей и живут плодами своего труда. «В поте лица своего созидаю хлеб» для тела, духа и общества человеческого!

ISBN 978-5-44-907722-6

© Каблахов Р.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	7
Георги Ангелов	9
ПОЭЗИЯ	10
Голос	11
ХРОНИКА СОПРОТИВЛЕНИЯ	13
ТРИСТИШЬЯ	14
Руслан Каблахов	15
Торговцы бисером	17
Редьярд Киплинг	19
Ода «эффективным собственникам»	23
Израильский Маяковский	25
НОВАЯ РОДИНА	28
ИЕРУСАЛИМСКИЙ ВЕЧЕР	33
1. Песня согнанных с земли	34
2. Покинутая деревня	35
Проза. Светлана Давыденкова	37
Путь	38
Ануца	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Искусство революции

Авторы: Каблахов Руслан, Ривлин Влад, Георги Ангелов, Давыденкова Светлана, Абакумов Игорь, Дубсон Борис, Ариэль Эми, Ильева Александра, Ильев Вячеслав

- © Руслан Каблахов, 2018
- © Влад Ривлин, 2018
- © Ангелов Георги, 2018
- © Светлана Давыденкова, 2018
- © Игорь Абакумов, 2018
- © Борис Дубсон, 2018
- © Эми Ариэль, 2018
- © Александра Ильева, 2018
- © Вячеслав Ильев, 2018

ISBN 978-5-4490-7722-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фидель Кастро Рус:
«Эрнесто Че Гевара —
это Художник – революции!»

Альманах

Интернационала

честных трудящихся людей

Союза Коммунистических писателей и художников

«ИСКУССТВО РЕВОЛЮЦИИ».

Вместо предисловия

В начале 1990-х годов прошлого века враги социализма объявили: «Коммунизм мёртв!». Слухи эти оказались слишком преувеличенными, как сказал классик.

Потому что убить коммунизм – это означает убить человечество. Ибо стремление к справедливости и равенству являются именно тем качеством, которое отличает человека от животного – и от неживой природы тоже!

И поэтому такое издание, где будут возрождены и начнут развиваться лучшие традиции соцреализма, выдающимися представителями которого были Максим Горький, Владимир Маяковский, Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Сергей Есенин и Борис Горбатов, Михаил Светлов и Анатолий Алексин, должно было неизбежно появиться на свет.

О необходимости такого издания говорилось долго и много.

И вот это свершилось: мы представляем нашим читателям первый выпуск Альманаха, целью которого является именно возрождение и развитие лучших традиций соцреализма – подлинный Советский Ренессанс – и формирование коммунистического (гуманистического) реализма и коммунистического гуманизма!

Похоже, что эта задача нам удалась.

Во-первых, нам удалось собрать талантливых поэтов, прозаиков, публицистов и художников, которых объединяет творчество и принципы гуманизма.

В дальнейшем наш Альманах станет местом дискуссий и обсуждений, посвящённых как творчеству, так и проблемам сегодняшнего мира.

Нам предстоит переосмыслить опыт и ошибки прошлого, чтобы построить светлое будущее, которое является альтернативой гибели для человечества.

Мы твёрдо стоим на принципах интернационализма, социальной справедливости и равенства и приглашаем к творческому сотрудничеству всех наших единомышленников – тех, кто считает эти идеалы своими.

Ну и о самом главном: о ком, о чём и для кого этот Альманах?

Наш альманах «Искусство революции» целиком посвящён людям труда: их жизни, радостям, проблемам и надеждам.

Человек труда – достаточно широкое определение. Это может быть и рабочий на производстве, и учёный, учитель или земледелец, художник или инженер, и медицинский работник – создатель здоровья людей или строитель – наших очагов, дорог и мостов, соединяющих и сближающих нас.

Словом, все те, кто работают на благо других людей и живут плодами своего труда. «В поте лица своего созидаю хлеб» для тела, духа и общества человеческого!

Собственно, именно так и представлен наш альманах, авторами которого стали талантливые люди самых разных профессий: от учёных до простых рабочих. А и нет ведь ничего более НЕ простого в мире, чем – ПРОСТОЙ ЧЕСТНО ТРУДЯЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК!!

Название нашего альманаха также выбрано не случайно.

Уже почти тридцать лет «нам» пишут книги и показывают фильмы об успешных дельцах, их борьбе с конкурентами, их любовных похождениях и страданиях (богатые тоже плачут – и гораздо больше заставляют плакать других!).

О людях труда (а не бывает же – НЕ творческого труда!) всё это время если и вспоминают, то только в примитивных историях о том, как простые смертные вдруг становятся успешными бизнесменами.

Пришло, наконец, время, рассказать о жизни простых тружеников – тех, кто тяжело работают, чтобы удержаться на плаву: вовремя заплатить счета и ипотеку, мечтающих заниматься любимым делом и вынужденных при этом выживать.

Мы думаем, что более важно и интересно для тружеников – читать (и непременно писать – как учил и требовал «Ленин литературы и искусства» – Максим Горький!) о своей жизни, нежели о разборках и чаяниях нуворишей.

Словом, пришло время произвести революцию в литературе, в искусстве, в мировосприятии и мироотношении. В сердцах, умах и душах людей!

Отсюда и наше название.

Ну, а при отборе произведений редакционный совет, помимо вышеуказанных принципов, руководствуется главным критерием: талантливостью и значимостью любого произведения, в стихах, прозе, искусстве или публицистике.

Ну а последнее слово мы оставляем за нашими уважаемыми Читателями.

Редакционный совет.

Георги Ангелов Современность глазами поэта

Георги Ангелов – один из ведущих поэтов современной Болгарии, главный редактор литературного сетевого журнала «Литературен Свят».

Георги родился в 1968 году, окончил Университет Кирилла и Мефодия в городе Велико Тырново. Автор многих поэтических сборников. Лауреат национальной премии в области поэзии. Член Союза писателей Болгарии.

Стихи Георгия Ангелова опубликованы в национальных изданиях, антологиях, переведены на английский, турецкий, русский, сербский языки.

Распятые зноем и голодом,
Строят дорогу люди.
Нет никого здесь,
Кто бы освободил их
От этого Распятья Судьбы.

ПОЭЗИЯ

В единственной капле воды
Познать Ниагару.
Будь стойким
в начале пути.
Не возгордись,
поднимаясь.
Достигнув вершины,
Готовься к спуску.
Злой стихией обрушилось
Море
на Землю.
Но вот Буря утихла.
Гром и молнии позади,
Облегчённо вздохнула Земля.
Только корни всё помнят.

Я всё ещё писал стихи,
Когда занялась медленно Заря.
Отбросив ручку и сложив листы бумаги,
Я выхожу навстречу утреннему Небу,
Чтоб сверить с Ним
Уже написанное мною.

Утро давно прошло.
Я должен был лечь спать,
Но продолжал размышлять
В то время, когда моя жена
Проходила мимо с чашкой
Горячего кофе.

Если хотя бы один
Из тех ирландских поэтов,
Чьи стихи я переводил
Ночь напролет,
Увидел бы моими глазами
Вымытые дождем черепицы крыши,
Ощетинившейся собаки мех,
Жёлтые и зелёные листья
Напротив нашего окна...
Нет, не дано им увидеть всё это!
Поэзия не может быть чем-то законченным.
Позвольте мне сохранить
Что-то своё сокровенное...

Голос

Голос доносится из далёкого прошлого:
«Пропых плесенью литературный вкус...
Мы в восторге, как дети,
В мёртвой хватке Кафки и шелковичного червя Пруста,
В незаметных петлях гинзбергов и евтушенок,
Всех тех бесчисленных вырожденцев,
Яд которых проникает в нас постепенно,
Пока не убьёт окончательно...
Общая ментальная матрица
(Простите за чужеродное слово!)
Заменит кровь нашей души на импортный туман,
Загипнотизировав потенциальных рыцарей...
Смотрим на всё приходящее к нам
Через чужие очки!
Пора нам изваять себе,
Глядя на всё глазами Творца,
Своё мировоззрение – наш национальный дух!
Иначе глухие музыканты выскоблят наш вкус.
Риторические рыдания с причитаниями и гвалтом,
Я уверен, вы бы не стали сравнивать...
Долетел отголосок...
И после него, смотрите,
Снегопад пошёл на охоту
За последней травинкой.

Я – крупинка песка,
В реке моей Родины.
И эта река берёт начало
В Боге.
Я не могу быть свободным
Без этой реки.

Подозреваю,
Что не увижу самое страшное —
Цифры на руках и
на лбу.
Крики стада, когда большой палец вниз.
Послевоенные «счастливые» зомби,
Расхваливающие элиты.
Иллюминатство, растворённое в крови.
Я уже словно
За пределами тени
И допрашиваю новоприбывших,
А они мне отвечают невнятно,

Размахивая руками, —
Они сами
Живые свидетельства ужасов,
Невыразимых
и мёртвых.

Моё окно открыто по ночам.
И если роженица плачет,
Я мог бы слышать её плач.
Увы, всё это больше
Не является болгарским.
Посол заносит в чёрный список имена —
Я это вижу.
Поскрипывая, перо вычёркивает жизни.
Из Палестины,
Сквозь пески и ветры боли,
Мне шлёт свой аромат,
Одинокая чёрная роза.
Но, может быть,
В конце концов, мы встретимся,
В преддверии далёком Рая.
Рабочие, шахтёры, пастухи
И наши братья младшие
На этом свете
Мне шлют своё сияние —
Сияние, светящееся ночью,
Как будто крест,
Сокровище
И тайны...

ХРОНИКА СОПРОТИВЛЕНИЯ

Он – из Нового Орлеана,
Она – из Багдада.
Только одна прогнившая дверь,
И две – пулемётные очереди
Между ними...

Светлый человек
С огромными крыльями
Часто приходит в сны
Маленькой девочки,
Живущей на соседней улице.
Она, конечно же, знает,
Что её ожидает,
Если она упомянет его
Ещё хоть один раз
В то время,
Когда большая семья собирается
За обеденным столом.
Но она всё ещё —
Видит его.

ТРИСТИШЬЯ Ласточки

Не прогоняйте ласточек, дети.
Через несколько лет
Они станут вашей судьбою.

Дверь приоткрылась,
Чья-то тень на пороге...
Это ты, Мама?

Я знаю, что розы будут цвести
Даже без этих стихов,
Которые я написал о них.
И всё же...

Стая сорок на дороге.
Земля в сорняках.
Часовня разрушена.

Смотрите, вороны, – белая птица.
Давайте заклюём её...
Дружно!

Перевод: Влад Ривлин.

Руслан Каблахов

Каблахов Руслан Инальевич, по национальности – советский абазинец. Вся семья моя – учителя; папа был доктором наук, мама – одной из лучших в С. С. С.Р. учительниц русского языка и литературы. Бабушка и дедушка, дяди – также учителя, директора школ (Аскер Каблахов и до сих пор директор сельской школы села Красный Восток – ему сейчас около 80 лет). Оба деда мои погибли на Войне в 1943 году, один артиллерист – Агурби Дзугов, другой танкист – Мухадин Аров. Бабушка боролась в антинацистском подполье, награждена орденами, её документы были размещены на стенде Великой Отечественной войны в Республиканском музее Карачаево-Черкессии.

Родился я в 1981 году в городе Ставрополе-Кавказском.

Окончил экстерном с отличием 14-ю школу-лицей города Ставрополя – на то время по рейтингу качества образования ряд лет лучшую школу России.

Окончил Литературные курсы при МГУ имени Ломоносова, в 2002 году – Ставропольский государственный университет, в 2005 году защитил диссертацию по экономике и управлению в Воронежском государственном техническом университете.

Получил также психологическое и педагогическое образование в Ставропольском государственном педагогическом институте.

Избирался секретарем горкома и крайкома Ленинского Комсомола, воссозданного под моим руководством и инициативе.

С детства пишу стихи, автор книг «Анапа – Совесть» (А Напа – на абазинском языке означает Судьба – Общее – Совесть), «Communis – значит Общее», «Пошехонская Россия», «Махатма Сталин», поэм «Убить в себе горбачёва», «Ода „эффективным собственникам“» и др.

Работал заместителем заведующего кафедрой повышения квалификации работников образования Центра профессиональной подготовки и переподготовки кадров Ставропольского государственного педагогического института.

Занимаюсь историей, философией, культурологией, психологией, экономикой, политикой и политологией, военной историей и др.

Коммунист-большевик с лета – осени 1995 года. Член Европейского антифашистского и антиимпериалистического комитета.

Почему я коммунист?

У меня оба деда комсомольцами погибли на Великой Классовой Отечественной Войне. Погибли во имя Жизни! Я сейчас уже старше их – благодаря им! Они нас закрыли – Собой! Бабушка моя Гуащяпагуа Арова – Дзугова – всю жизнь секретарь сельсовета аула Красный Восток Кисловодского района (на абазинском языке Кисловодск – Нарцана – Нарт-Санэ – напиток нартов), участница антинацистского подполья.

Коммунисты – вся моя семья и многие родственники. На Великой Отечественной Классовой войне погибло **Двадцать** моих близких родственников.

Вообще же, честный художник, как и честный учёный – не может быть не коммунистом, потому что коммунизм – это научный, научно-художественный, *научЕнный жизнью* единственно живой и подлинный гуманизм. Коммунизм – это человечность. Единственная живая, подлинная Человечность!

Человек не может быть не коммунистом, не большевиком, не марксистом. Ни один живой человек, с живым, отзывчивым сердцем и душой! Тем более, учёный и художник!

Так что не коммунистом быть и невозможно и неинтересно и не весело!

Безусловно, влияние и семьи, и жизни, и истории, и науки, и искусства. Маркс очень хорошо об этом писал – о живом сердце и разрывающих его цепях – разрывающих, если отказаться от коммунизма. Это – невозможно!

Торговцы бисером

Иисус спросил:
Есть ли среди вас
Такие, кто —
Ребёнку своему родному
Когда его попросит тот:
«Дай рыбу мне!»
Змею ему —
Живую
В ответ
В протянутой руке
Подаст!

И есть ли тут ещё
Средь вас,
Такие, кто —
Когда дитя попросит хлеба —
В ответ лишь камень подаёт,
Рыдающий,
Бездушности
«Даятеля» такого?

России современной
Буржуазный класс —
Ответил хором —
Перебив —
И не дослушав даже —
По чём даёшь за них?
То бишь —
За нас?
Есть! «Их есть у нас» —
Средь нас – таких —
«Ить сколько душеньке твоей угодно»!
Ты только цену нам
Приличествующую
Назови!
Скажи лишь цифру!
Нам только цену и количество —
Скажи!!! Тебе нас сколько нужно?
Таких?
Вот видите!
А говорят, что мы лишь паразиты —
Глядите же —
Сам Чизас Крайз!
Разыскивает нас!
Ему – Господю самому —
Нужны мы

Для чего-то...

Тогда, мой друг,

Ты будешь-

Человек!

Редьярд Киплинг Убить в себе горбачёва

Он Родину мою
Подавал на завтрак Сатане!
Детей он наших
Заставил пресмыкаться
И спины гнуть пред ним,
Покорно стоя
У стула спинки
С салфеткой для него,
Чтоб вытирать
Обильно капающий жир с клыков —
Тот самый, который был —
Или казался?
Веса излишнего причиной
И поводом переживаний
Друзей-подруг твоих...

Он сделал это
Только —
Чтобы наестся не трудясь
И – лопнуть,
Откусив гораздо больше,
Чем переварить способен
Его
Под душу
Замаскированный
Желудок.

Он человеческим хочет показаться —
Хоть Человеком даже не был никогда!
И мантией Брута благородной
Прикрыть он тщится
Торговца Родиной бездушное чело.

Булгаков —
Хлудова устами —
Назвал его
«Пушным товаром».
Мы же – как Плюшкина —
Семьи своей родной
Душителя-убийцу,
Словами Гоголя
И крестьянина русского —
Мы вновь ославим Плюшкина —

И Штопаным задом назовём!
Он – пенни-лайнер,
Пушкина глумящий,
И «бремя» Киплинга
Стремящийся стянуть.

Скажите —
Может ли бездушный —
Человеком быть?
А Человеком – стать?
После всего содеянного
Похотью твоей
И буйством дух-лесснутой плоти?
Скажу я – нет!
И скажет так же —
Всякий человек,
Кто свято чтит и помнит
Смирнова Юры
Иисусовы черты
И любящее сердце Бонивура,
Выплеснутое из груди
Врагам в глаза!
И —
На их Геройства Скалах —
Другого Юры
Возведённую Улыбку!

А, горьковский Ужище!
Учивший жизни – Сокола!
И где же ныне лучший твой «дружище»?
Последователь «верный» твой —
Всему и всем —
Как самому себе —
Неверный —
Словно акций курс —
Где Мишка Горбачёв?
Таки нашёл ты – в нём!
Опору телу – с мёртвою душою
И с – услуженья и карьеры ради —
Вынутым хребтом!
Что делать нам с тобой?
Сами мы решим!
Как Чехов нас учил —
Мы выдавим раба!
По капле,
Из себя —
Мы выдавим —
Тебя!

Кто скажет мне, что люди вы – вообще?
А Че Гевара – тоже человек?
Муганда, «боли облегчавший»,
Лечивший
Врача не видевших детей!?
Астматик раненный,
Врач, себе до крови руку прокусивший,
Чтобы не выдать раненных товарищей своих —
Такой же, значит, Человек —
Как Хрущ и Горбачёв?!
Такой же, как и ваши нынешние,
«Новые» Отрепьевы – цари?
Так выбирайте —
Кто вам люди-братья?
Гагарин, Ленин, Данко, Че —
Зажёгшие собою целый Свет?
Или товара «люди» —
Пере-продавцы?
Свободы, равенства и братства —
Продавцы,
Занявшие – лишь временно —
Детей и памяти
Священные Дворцы?

Безропотности,
Рабства прогнутаго,
Столетиями царившего,
Вы затхлое наследье.
Душ вывихнутых,
Проломлённых,
Искривленья,
Уродливо и криво сросшиеся.
Гробы повапленные —
Вы!

Воспользовались
Вы среди жизни новой —
Незнакомой —
Души смущеньем,
Завихреньем,
Ослеплённой
Света вспышкой
Сверхновой —
Средь вековечной
Душной тьмы и сумерек,
Смутившейся —
У самого порога
Подлинной истории —
Истории Людей —

Не торгашей,
Не людоедов!

Творцы продажности всеобщей,
Вам нету даже имени
На языке людей!
И места в доброй памяти людской
Вам тоже не найдётся —
Его не заслужили вы!
История вам в нём откажет,
Поэзия и проза —
Вас будут бичевать и гнать
По землям всем, как Ио —
Пока угроза возвращения вас —
Всё превращающих в тлен —
Не станет невозможной
Для самого Пространства Временного!
Когда, сказав:
«Убийца и растлитель духа» —
Бабушки и деды,
Лишь только внуков —
Совсем уж малых —
Смогут – страшной сказкой —
Вами —
Напугать!
Когда они и сами
Не смогут толком
Объяснить —
Как это может быть
Что Человеком —
Его Душой свободной, поэтичной,
Общеньем, жизнью и судьбою
Радостью, трудом свободным,
Вдохновенным, благородным,
Детей улыбкою лазурной,
Лучезарной,
Счастливо-безмятежной,
Самой священной Любовью —
Как —
Человеком —
Можно —
Торговать?

Ода «эффективным собственникам»

Чем лица вы прикроете звериные свои?
А чем – клыки —
С обильно капающей с них
Людскою —
Детской —
Кровью?
Вы!!!
Довёвшие собою,
Людей – до людо-
ЕДства?
Вы не слепые —
Вы бездушные,
Ведущие слепых!
Украдкою, тайком,
Им матерью прикинувшись,
На жертву, на закланье их ведёте —
Нет! Даже – вОдите!
Для вашей выгоды свирепой,
Трусливой лени —
Вовек неутолимой
И бездонной —
Утробы вашей!
Неизмеримой ни слезами,
Ни страданиями детей
Ни всех вообще людей!
И ни мечтаньями возвышенными их,
Ни творчеством свободным —
Ни надеждой,
Ни дружбой, ни любовью
Ни планами на жизнь
Счастливо-добрую, людскую —
И ни самим
Чувства и Сознанья Светом!
Всё это вы «не видите» —
Нет просто выгоды вам в том!
Глаза души —
У вас – слепы —
Вы сами выели себе их!
Не понимаете
Не знаете и не хотите знать вы —
Человечности
И Человека!
Нужна ведь вам лишь «эффективность» —
Трудящегося среди «целых вас»
Лишь вашего желудка —
Вами – говорящего!

Нужна она вам голая —
Как дети те – и взрослые,
Которых – продаёте вы
Порнографам бездушным —
Души и тела
Внутренним и внешним!
Вы из страданий сотканы —
Правда – да,
Что и себя уродовать
Вы тоже любите,
Но больше – много больше!
Из чужих —
Не ваших —
А – людских,
Природы-матери мучений
И из – животных —
Братьев наших – мук!
Мертвящая погибель
Духа самого вы!
И с ним же – всего и всех!
И тем сама живущая лишь!

Вы форма облачения
Для белковых тел,
Собравшихся —
Пираты словно —
В колонии большие
С единственной целью —
«Единством Людоедов»
Надёжнее держать рабов
В благочестивом страхе —
Про «ваш» запас —
На в близком будущем
Системно-постепенный
Случайно-плановый
Забой!

Так чем
Прикроете бездушные вы
Внешности свои —
Детей, замученных вами —
Ангельской улыбкой?
Влад Ривлин

Израильский Маяковский

Человек с тяжёлым характером и нелёгкой судьбой, бескомпромиссный и противоречивый, одарённый необычайно сильным и ярким талантом, ивритский поэт с русской душой – таким был Александр Пэнн – израильский Маяковский, как его до сих пор называют.

Таким и остался навсегда его образ в истории ивритской поэзии.

У Александра Пэнна было две Родины, которые он не делил на историческую и доисторическую и ни от одной из них никогда не отказывался. Он любил Святую Землю, но никогда не забывал Россию.

В течение нескольких десятилетий его творчество было мостом, связывавшим русскую и ивритскую культуры.

Александр Пэнн родился – по одним сведениям в 1902 году, по другим – в 1906 году, в Нижнеколымске, что в Якутии.

Матери своей он толком и не знал.

Спустя два месяца после рождения Александра она уехала в Москву, к своему мужу Иосифу Штерну, по дороге простудилась и вскоре умерла.

Отец Александра искал счастья в Москве и оставил сына на попечение деда по материнской линии, охотника.

В биографии Пэнна много неясного. Его отца биографы Пэнна считают потомком легендарного Шнеур Залмана из Ляда*. Мать Пэнна происходила из аристократической шведской семьи и принадлежала к секте субботников. Сам Пэнн утверждал, что его предком по материнской линии является полярник, шведский граф Йенсен.

Но это лишь одна из версий. Часть биографов Пэнна ставили под сомнение достоверность этих биографических данных и были даже такие, которые утверждали, что отец Пэнна вовсе не был евреем.

Первые 10 лет своей жизни Пэнн прожил у деда – охотника и рыболова. После смерти деда, которого смертельно ранил на охоте белый медведь, десятилетний Александр отправляется через всю Россию искать отца. Он преодолевает огромные расстояния от берегов Северного Ледовитого океана до Кавказа, пешком идёт через Тайгу, бродяжничает и ночует где придётся: то на вокзалах, то под открытым небом.

В 1920 году он добрался до Москвы и здесь разыскал своего отца, который наконец-то занялся воспитанием сына. Под присмотром отца, Александр заканчивает среднюю школу, затем продолжает учёбу в Государственном Институте Слова и государственном техникуме

кинематографии. Одновременно, он серьёзно занимается боксом, выступая на ринге и добиваясь значимых спортивных результатов.

Здесь же, в Москве, Александр по настоянию отца проходит гиюр – переход в иудаизм, поскольку его мать по законам иудаизма не считалась еврейкой**. Также благодаря отцу Пэнн сближается с молодёжными сионистскими организациями и участвует в их деятельности. В частности, будучи хорошим боксёром, он вскоре стал тренером по боксу в сионистском спортивном обществе «Маккаби» (по совместительству в спортивном обществе «Динамо»).

В это же время Пэнн публикует первые свои стихи, которые он писал с юных лет. Первое его стихотворение, опубликованное в журнале «Крестьянская нива», называлось «Беспризорный» и было посвящено годам бродяжничества Пэнна, которые навсегда оставили след в его жизни и творчестве.

Молодой талант не остался незамеченным. Поэт-символист Иван Рукавишников обратил внимание на творчество Пэнна и ввёл его в круг московских поэтов. Так юный поэт познакомился со многими представителями Серебряного века русской поэзии.

Ему посчастливилось быть лично знакомым с Есениным и Маяковским. Особенно он сблизился с Маяковским. Пэнн читал ему свои стихи, а Маяковский слушал. В юном поэте Маяковский увидел яркий талант и не жалел для него своего времени.

Творчество Маяковского оказало колоссальное влияние на Пэнна и отразилось в его стихах. Маяковский был кумиром Пэнна на протяжении всей его жизни и творчества. До сих пор Александр Пэнн считается лучшим переводчиком стихов Маяковского на иврит.

Это был один из самых ярких и счастливых периодов в жизни Пэнна. Но длился он не долго.

В 1926 году Пэнн был арестован по обвинению в сионизме. Александр отверг предъявленные ему обвинения, но также категорически он отверг и предъявленное ему требование публично заявить о своём неприятии сионизма.

После этого отказа Пэнн был сослан в Узбекистан, где провёл год. В ссылке он оказался вместе с активистами сионистских организаций, но не только не сблизился, а напротив, нередко конфликтовал с ними.

Впрочем, он конфликтовал не только с ними, но и с тюремным начальством и с местной администрацией. И те, кому приходилось с ним сталкиваться, почувствовали, что называется, на себе его нелёгкий характер.

Неоднократно он совершает побеги из ссылки и неизвестно чем бы всё это закончилось для него и как сложилась бы судьба израильского Маяковского, но за него вступилась вторая жена Максима Горького, председатель Ассоциации помощи политическим заключённым (действовала с 1920 по 1938 годы) Е. М. Пешкова, которая добилась освобождения Пэнна и помогла ему выехать в Палестину.

Пэнн уезжает немедленно после освобождения.

– Хотите, чтобы я был сионистом? Хорошо, я буду сионистом!

– Палестина? Пусть будет Палестина! – в сердцах заявляет он перед отъездом. В этих словах гнев, обида, разочарование. Но в них проявился и гордый, независимый нрав Поэта. Он не стал ни просить, ни требовать, ни оправдываться. Просто повернулся и уехал.

В Палестине ему приходится нелегко. Пэнн работает разнорабочим, трудится на апельсиновых плантациях, перебиваясь временными заработками во время сбора урожая цитрусовых. Свою жизнь и переживания на новом месте Пэнн выражает в стихах:

Солнце – ад раскалённый!

Мой клочок земли – кактус да песок.

Я открыто бросаю тебе:

Не могу!

Не могу этот стон очага,
Этот хамсин с разъярённой мордой,
Эту жизнь на острие шипа —
Звать Родиной. Отчизной!
Древнее бешенство даёт мне пламя своего голоса,
Но я не могу... Пока – не могу!

Таким было его первое впечатление от встречи с Палестиной. Но он не только выживает, но и активно участвует в строительстве новой жизни.

Пэнн поселился в Реховоте – в то время стремительно растущем сельскохозяйственном поселении в двадцати километрах от Тель-Авива и принимает активное участие в жизни местных поселенческих организаций, работает разнорабочим на стройке, сторожем, становится одним из первых инструкторов по боксу в спортивном обществе «А-Поэль» («Рабочий»).

Его восхищают энтузиазм поселенцев и их самоотверженные усилия по освоению бесплодных земель. Настроения Пэнна постепенно меняются и он нелегко, но принимает новую жизнь.

«Какая-никакая, ветхая, заброшенная, но всё же – Родина...», – пишет он в этот период своей жизни. Пэнн быстро осваивает новый язык. Его учителем иврита был знаменитый Х. Н. Бялик, который называл Пэнна «шабес гоем*** еврейской поэзии».

Талант Пэнна был замечен и на его новой Родине. Не только Бялик, но также Авраам Шленский – другой известный поэт и публицист принял деятельное участие в становлении Пэнна как поэта на новой Родине.

Авраам Шленский перевёл несколько ранних стихотворений Пэнна на иврит и всячески укреплял веру молодого поэта в собственные силы. Уже спустя два года после приезда в Палестину, Пэнн начал писать стихи на иврите.

Первое же его стихотворение на иврите «Новая родина», (1929 г.) стало своеобразным манифестом Пэнна, в котором он провозгласил цели своего творчества: служить сближению двух народов, двух культур – русской и ивритской.

НОВАЯ РОДИНА

Для новой Родины.
Для чуждых берегов,
Для нежных рощ, где зреют апельсины,
Как грешник, соблазнён,
Исторгнут из снегов.
Я брошен в жар пустынь, в ад шаркии, хамсина ****
Из крови тяжб она
Возникла, как виденье.
Упорная, чужая в знойной мгле!
Какое же сложу я песнопенье
Ей, надо мной склонённой лёгкой тенью,
Древней всех колыбельных на земле?

Люблю её,
Хотя она сурова,
Но дни мои влача среди тревог и мук,
Судьбу рожденья
Моего второго
Не вырву я из этих бедных рук.

Слепящий зной!
Ей в наготу худую
Лопаты и кирки врезаются, звеня.
И негодную я,
Но, видя высь седую,
Шепчу: «О, древняя, прости меня!»
Я не пришёл к тебе,
Неся и щит и знамя,
Но, возмущённый дикою враждою,
Тебя – от скал
До пальм с зелёными листьями —
Жалея, звал я Родиной второй.

Всё вижу я тебя безмолвной, терпеливой,
В палатке бедуина (??), набут и шубрия *****
Библейской простотою
Своей неприхотливой
Средь кактусов – ежей в пустыне молчаливой
Влекут меня блуждать в пространстве бытия.

Встречая друга, подавать я буду
Худую руку,
Говорить: «Шалом!»,
Змий обольстил,
Принёс я в жертву Чудо,
Прельстясь поддельным золотым кольцом.

Без цели в даль твою
Гляжу я безотрадно,
Твой зной мне в горло льёт расплавленную медь.
Порывы все мои
Ты душишь беспощадно
И не даёшь дерзать и сметь!

Дай всё, что сможешь дать:
Миг радости неожиданной,
Печаль разбитых чувств, холодную слезу, —
Я всё снесу легко,
Лишь только б неустанно
С тобой встречать и бурю и грозу!
Огонь твой вечный мне
Плеснул лишь на мгновенье,
Едва коснулся он до уст моих.
Оружие моё
Взяла ты на хранение,
С холодной изморозью дум былых.

Воскресни, древняя!
Вокруг всё – глухо, немо,
Лишь время гонит дни, как подъяремный скот,
Пустыня знойная,
Как динамитный демон,
Мозг из костей и кровь из жил сосёт.

Ещё для правды всей
Не пробил час великий,
Не стану прятаться, как хвост поджавший пёс:
От немоты твоей,
Скопившей плач и крики,
Спасут лишь молнии да громы гроз.

Когда моя заря
Блеснёт огнём багровым
И стрелами лучей пронзит ночную тьму,
То в сон твоих полей
Ворвусь я гимном новым
И знамя будущего подниму.

И зазвучит тогда
Победно, полнокровно
Посеянный в твоём песчаном сердце стих,
И перекликнутся
По-братски в нём любовно
Израиль —
СССР —

две Родины моих.

Этот стих был написан Пэнном в 1929 году – время, когда его слава стремительно росла. Колоссальный успех имеет его любовная лирика. Чего только стоят такие его строки:

«... О всемогущая, безмолвная моя!
Как описать тебя, когда мой стих робеет
Пред тихой прелестью и скромностью твоей,
Любимая моя, подруга и сестра?!»

В его стихах гармонично сливаются библейский эпос и рифма Маяковского, которые воплощаются в ожившем древнем языке. На творчество Пэнна оказало большое влияние творчество его друга и соперника Авраама Шленского и Натана Альтермана – реформаторов древнего языка.

И Шленский и Альтерман оживили иврит. Их стихи – это иврит, который люди используют ежедневно в быту, на улице, словом – в общении. Этой традиции следует и Александр Пэнн, стихи которого положили начало израильской эстраде. Стихи Пэнна очень мелодичные, они легко ложатся на музыку. Такие его стихотворения, как «Земля моя, земля» или «Песня пьяницы» навсегда стали классикой ивритской эстрадной песни.

Так, вместе со своим другом и впоследствии соперником Авраамом Шленским, Пэнн стал одним из создателей нового жанра в молодой поэзии зарождающейся культуры – ивритского шансона. Но этим вклад Пэнна в развитие молодой ивритской культуры не ограничивается.

Он становится одним из создателей израильского кинематографа, приняв активное участие в создании первой в Израиле киностудии «Моледет» (Родина), совместно с режиссёром и продюсером Натаном Аксельродом (1905 – 1987 гг.).

Также он ведёт рифмованную колонку, посвящённую самым злободневным темам в главной газете еврейского анклава в Палестине того времени «Давар» и одновременно является членом репертуарной комиссии театра «Габима» (Сцена), созданного выходцами из России. Его песни исполняются в первом звуковом фильме на иврите «Зоарец», воспевающем поселенческую деятельность сионистов в Палестине (режиссёр Барух Агадати). Перед Пэнном открываются перспективы блестящей карьеры, но он жертвует ими во имя собственных убеждений. Именно в это время формируются политические взгляды Пэнна как убеждённого коммуниста.

Он решительно отвергает усиливающуюся между евреями и арабами вражду. В его знаменитой поэме «Ханаан», написанной в 1931 году, есть и такие строки:

«И кто вражду в нас растравил?
И братья мы не по крови ли —
Ты, Исаак, ты, Исмаил
Что землю потом здесь поили?
И кто вражду в нас растравил?
И братья мы не по крови ли?»

Подобно Владимиру Маяковскому – своему учителю и кумиру, он становится трибуном ивритской поэзии. «Я пожертвовал красотой ради сути, – пишет он, – и посвятил свою поэзию активной борьбе, служению делу социализма и мира во всём мире». Он пожертвовал не только красотой формы, но и многим другим – карьерой и многими социальными благами, которые, казалось, сами шли к нему. Но он их отверг ради своих убеждений.

В то время многим в еврейском анклав Палестины импонировали идеи Муссолини и Франко о сильном национальном государстве. Пэнн был первым среди ивритских поэтов, кто начал обличать уродливую сущность фашизма и войны – например, в поэме «Испания на костре».

Пэнн не делит своих соотечественников – евреев и арабов – на своих и чужих. Убеждённый антифашист, в своих стихах и поэмах он клеймит войну, социальную несправедливость и национализм. В поэме «Мир в осаде» (1942 год), которую Пэнн называет «Поэма об измене и верности», он клеймит малодушие тех, кто из-за трусости или корыстных интересов предали мир и привели к власти нацистов:

«Правому реформистскому рабочему движению в Европе, которое своим предательством (до и после Мюнхенского соглашения) прямо и косвенно способствовало возникновению и упрочению национал – фашизма,
Словом жадным хочу рассказать я,
Словом высохшим, жаждущим хлеба,
Рассказать о потерянном брате.
Об утратившем землю и небо.

Верный – изредка, чаще – предатель!

Спотыкался и ползал он слепо,
И о нём, не достойном проклятья,
Словом высохшим, жаждущим хлеба,
Словом жадным хочу рассказать я!».

Вражде и социальной несправедливости он противопоставляет свои идеалы:

«Тебя провижу я в цвету,
В расцвете дружбы и богатства:
Осуществлённую мечту —
Народов равенство и братство!
Тебя провижу я в цвету,
В расцвете дружбы и богатства».

Пэнн прославляет победы Красной Армии и искренне и сердечно приветствует освобождение Европы от нацизма. Не обходит он в своём творчестве и темы Катастрофы европейского еврейства. Стихотворение «ПОМИНАЛЬНАЯ СВЕЧА» Пэнн посвящает «Памяти еврейских детей, замученных нацистами».

Бледней тебя нету, Ханэле,
И памяти нет страшней.
На этой войне ты, Ханэле,
Сквозь десять прошла смертей.
Но искорка света, Ханэле,
В улыбке жила твоей.

Он также обличает британских колонизаторов, которые в представлении Пэнна были главными виновниками кровопролитной вражды между евреями и арабами. В 1947 году он написал стих, обращённый к британским колонизаторам, который назвал «Ла-омдим ал дами» («Стоящим на крови...»):

Стоящий на крови людской
Пусть забудет покой!
Пусть придёт к нему ужас ночной и дневной,
Пусть судят его мои дни и ночи,
Пусть глядят на него убитого очи.
Пусть покойник грозит ему жёлтой рукой —
Пусть забудет покой
Стоящий на крови людской!
Глумящийся над сиротой
И над детской слезой —

Навсегда пусть забудет про сон и покой!
Пусть всегда он чувствует за спиною
Мертвецов дыхание ледяное.
Пусть память его наполнится мной.
Стоящий на крови людской
Пусть забудет покой!...
Стоящий на крови людской!
(Перевод Д. Самойлова).

Образование государства Израиль неразрывно связано в восприятии Пэнна с кровопролитной войной, трагедией и гибелью людей, которые могли жить вместе в мире и дружбе. К этой теме он обращается постоянно. «Иерусалимский вечер» – один из таких стихов Пэнна:

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ВЕЧЕР

Было тихо. Только горы,
Оцепив старинный страх,
Стерegli кремневый город,
Захлебнувшийся в ветрах.

В неожиданную темень,
Отплыл, плыла одна
Окровавленная тема
Умирающего дня.

Стыли церкви, минареты,
Вился шёлк бород и пейс.
Шла, одетая в запреты,
Фанатическая спесь.

И на зубчатые башни,
На могилы всех богов
Домино прискальной пашни
Набегало из лугов.

А навстречу, пуст и ломок,
Под ажуром пелены
Стеариновый обломок
Новорожденной луны.

Древний город – он расколот!
В пальцах тропок и путей
Был зажат лиловый холод
Злоумышленных затей.

Ливень хлёсткий, ливень колкий
Взбудоражил грани зон:
Иглы пуль, смертей осколки
Растрезали в ключья сон.

Счёт могилами оплачен.
Стало тихо. Спит Салим,
Спит Моисей, и, в небо плача,
Стонет
Иерусалим...
1948 год.
Перевод автора.

Пожалуй, он был единственным из ивритских поэтов, кто поднял в своём творчестве тему Катастрофы палестинских арабов 1948 года – Накба, и посвятил трагедии их изгнания и смерти свои стихи в сборнике «Арабские мотивы»:

1. Песня согнанных с земли

Пошёл колодец к ведру,
Пришла гора к Магомету.
Я бедность свою залатаю мешком
Твоего горячего лета.

Чёрное солнце в моём доме
Не дарит радости взгляду.
Тебя, что была моё масло и хлеб,
Превратило в бич и досаду.

Ночь заперта на засов,
Дорога моя раскололась.
Ко мне из ограбленной борозды
Тянешь усохший колос.

Обуглились руки мои в огне,
Петух не кричит над забором.
Мои мертвецы колыбельную песнь
Поют замогильным хором.

Колодец потерял ведро,
Гора предала Магомета.
Спаси колосья моих полей
От гибели и от навета!

Скрепи распавшийся ком земли,
Верни мне жизнь и обитель.
Где ты, Исаак, где ты, мой брат,
Где ты, Авраам, мой родитель?...

2. Покинутая деревня

Здесь расплакался дым,
Здесь огонь утвердился.
Здесь малый домишко ждёт,
Чтобы смех в него возвратился.

Не квохчут куры в пыли,
Не молится виноградарь.
Сиротство жёлтых полей
За рухнувшею оградой.

Здесь стоном стонет стена,
Здесь камень лежит, стеная.
Здесь, словно знамя беды,
Оставленная абайя.

Владей, поджигатель! Ступай
Железной пятой по телу!
Здесь пахарь идёт чужой
По отнятому наделу.

Здесь слышен сдавленный всхлип —
Земля! Пойми, что он значит —
Не Рахэль плачет в тиши —
Агарь над сынами плачет. *****

После провозглашения Государства Израиль Пэн вступил в Израильскую коммунистическую партию (до 1952 года – Коммунистическая партия Палестины) и в это же время он возглавляет литературное приложение газеты Израильской компартии «Коль ха-ам».

В его мировоззрении было немало противоречий и далеко не всё было разложено по полочкам. В его коммунистических убеждениях нашлось место и мессианским идеям иудаизма и прежде всего идее богоизбранности еврейского народа.

«Я... коммунист – еврей...»

и

Чем сильнее звучит во мне коммунист,
тем выше взмывает во мне еврей»,

пишет Пэнн в своём стихотворении «Ани ехуди» («Я еврей», 1948 год).

Но это было его видение, его убеждения, с которыми он никогда не шёл на компромисс с общепринятыми мнениями или линией партии. Он всегда думал, говорил, писал и делал только то, в чём был убеждён, что чувствовал и что считал необходимым и верным. Едва ли кто-то из его критиков сможет когда-нибудь доказать обратное.

За свои убеждения Пэнн как поэт поплатился очень дорого. Литературные и официальные круги Израиля объявили Пэнну настоящий бойкот. Многие годы его произведения почти не публиковались, для литературных критиков его творчество стало «табу» – на его стихи не писались ни литературно-критические статьи, ни рецензии. В литературной критике они даже не упоминались! Его по-настоящему душили замалчиванием! По радио нередко звучали песни на стихи Пэнна, но при этом объявлялось: «Стихи неизвестного поэта».

Поэт Натан Альтерман, хорошо знавший и ценивший творчество Пэнна, как-то открыто заявил в один из дней рождения Пэнна: «Если бы он (Пэнн) не принадлежал к этому (коммунистическому) лагерю, то, без сомнения, сегодняшний день стал бы праздником для всех общественных кругов и торжеством новой ивритской поэзии». Сам Пэнн с горечью замечал по поводу своей творческой судьбы: «... в условиях израильской демократии с человеком могут сделать всё, что угодно, даже упрятать в гетто».

(Продолжение в следующем выпуске).

* Основатель движения «ХаБаД» в иудаизме.

** Еврейство согласно еврейскому религиозному праву (Галаха) определяется по матери.

*** Шабес гой – не еврей, которого нанимали на Субботу (Шаббат), когда набожным евреям нельзя выполнять никакой, даже самой простой работы, для выполнения различных домашних работ – разжигания огня в печи, например.

**** Шаркия, хамсин – горячие ветры пустыни.

***** Набут – крепкая сучковатая палка.

***** Шубрия – кривой арабский нож.

***** Рахель – одна из двух легендарных праматерей еврейского народа. Агарь – праматерь арабов.

Проза. Светлана Давыденкова

Родилась в 1954-м году в городе Черновцы. После окончания Филологического факультета Черновицкого Государственного Университета работала учителем русского языка и литературы в школе. В 2001-м уехала на заработки в Италию.

С 2001-го по 2017-й годы проработала в Италии, ухаживая за стариками.

Мой жизненный опыт в чужой стране – это зеркальное отражение судеб сотен тысяч женщин, вынужденных и рискнувших уехать на заработки.

Вернулась домой в 2017-м. Сейчас пробую себя в качестве преподавателя итальянского языка.

Путь

(Рассказ)

Стоял декабрь 1998-го года.

В школу под Новый год привезли ящики с водкой, компенсирующие недостачу денег для выплаты учителям зарплаты за сентябрь.

Директор, Наталья Ильинична в своём кабинете составляла список учителей, внося напротив каждой фамилии цифру, обозначающую количество бутылок, причитающихся вместо денег.

Учителя вызывались в её кабинет, расписывались за взятый товар и забирали бутылки, стоявшие тут же, возле директорского стола. Кто-то прятал тару в припасённую заранее сумку, кое-кто уносил бутылки в кабинет и запирали в шкафу, а некоторые пока в растерянности искали глазами временное убежище для своей «зарплаты» в учительской.

У Раисы проблемы не было: учитывая статус одинокой мамы, ей дали всего одну бутылку, которая поместилась в объёмной сумке между книг. Почти всю зарплату, таким образом, она получила деньгами.

Придя домой, Раиса отлила немного водки в стакан, а в освободившееся в бутылке место натолкала высохших корочек от апельсина. На душе было тяжело. Нужно было за скромную зарплату прожить неопределённое время: месяц, два..., а тут Новый год подходит. Надо бы мясца хоть немного купить, мандаринов дочурке, сметану на торт.

Позвонила Маргарита, преподаватель английского. Разговор начался с водочной эпопеи. Подруга жаловалась, что муж возмущается: «Надо было двадцать лет вкалывать, как проклятой, в школе, чтобы тебе вместо денег за сентябрь под Новый год водку всучили!». Но бутылки уже стояли на кругленьком, застеленном скатеркой в красно-белые квадратики кухонном столике, молча ожидая хозяевами решения своей судьбы. Маргарита продолжала с азартом рассказывать Рае, как, получив бутылки, позвонила мужу домой и попросила приехать за ней, чтобы помочь домой тетрадки довести. А вместо тетрадок оказались бутылки с водкой.

«Знал бы, ни за что бы не приехал! Только деньги проездил на троллейбусе», – ворчал Родион. Его синие, обычно добрые глаза, посерели и стали злыми. «Пригодится, – пыталась успокоить Марго мужа. – На день рождения к коллеге пойдём, мастеру за ремонт канализации дадим. Да и Новый год на носу».

Супруги зашли в кабинет директора. Родион развернул сумку, прихваченную для тетрадей, и стал в горизонтальном положении складывать в неё бутылки. Не попрощавшись с женой, он вышел из школы. Проходя через школьный двор, Родион увидел Валентину, читавшую английский на параллели с женой. Она посоветовала поставить бутылки в вертикальном положении, потому что, как обнаружила она, пробки закрыты некрепко, и водка выливается. Родион нерешительно опустил сумку на снег, но тут же подхватил её снова и быстро зашагал прочь.

Маргарита, переменив минорный тон на мажор, заговорила о водочных рецептах, услышанных ею по телевизору: «Возьми апельсин, лимон и сладкий перец. Всё нарежь, залей водкой и дай постоять. Отличная вещь!», – поучала она Раису. «Да я уже апельсиновых корок добавила. На перцы – лимоны денег нет», – ответила Рая.

Попрощавшись с Марго, Раиса пошла на кухню готовить обед. Приподнятое разговором с подругой настроение исчезло. Снова потекли невесёлые мысли. Вспомнилось пережитое лето, когда учителям не только не дали отпускные, но ещё и задолжали зарплату за июнь. Были дни, когда Рая говорила подрастающей дочери: «Катюша, наберись терпения. У нас на сегодня только пшенная каша без молока и масла».

За домом, в общем для всех жильцов дворе поспевала алыча, посаженная ещё матерью. Чтобы её нарвать, Рая вставала в пять утра, когда соседи ещё спали. К восьми несла алычу на базар. Своего места у неё не было, и дородная директриса рынка гнала её отовсюду, где та могла пристроиться. Раиса была счастлива, если удавалось продать алычу по самой низкой цене и купить на выручку кусочек мяса для дочери. В полцены продалась и вишня, поспевшая на даче. На компоты и варенье сахара всё равно не было. На дачу, до которой было десять километров, часто ходила пешком – сэкономила деньги. За проезд туда и обратно надо было заплатить стоимость буханки хлеба. Земельный участок был глинистый, без подкормки не плодоносил. В сорока минутах ходьбы от участка находилось озеро, на берегу которого паслись коровы. Осенью Раиса с большим рюкзаком ходила туда собирать коровьи лепешки для подкормки земли.

Раньше Рая ждала отпуска с нетерпением. Теперь его приближения она боялась.

Все зимние каникулы ушли на подготовку учеников к научной конференции «Сделай шаг!». Несколько лет назад школа приобрела статус гимназии, и теперь больше уделялось внимания развитию способностей ребят к науке. Раиса помогала в написании работы и дочери, Катье, учившейся в выпускном классе. В наступившем году Раису, ко всему прочему, ждала ещё и очередная аттестация. Нужно было подготовить несколько открытых уроков, закончить оформление очередного поэтического сборника гимназистов, написать сценарий к литературному вечеру, посвящённому творчеству местной поэтессы, прожившей жизнь в инвалидной коляске. Работы было много, но она спасала: забывалась бытовая неустроенность, пряталась тревоги о завтрашнем дне.

В последние дни каникул Раиса презентовала для коллег свою научную работу на городской конференции учителей «Талант и элитарность».

В перерыве пленарного заседания увидела Марго. Разговорились о детях.

– Ты обязательно напечатай работу дочери на компьютере, – советовала Марго.

– Хорошо бы, но где его взять?

– Ну, принесли же тебе что-то в подарок на Новый год? Духи там какие-то, вазочку. А ты не используй подарок-то. Положи аккуратно его в пакетик, да бутылку не пожалей туда поставить. И отдай всё это какой-нибудь родительнице, умеющей печатать. В конце концов, сама можешь ей диктовать. Ты же знаешь, что сейчас работа может быть трижды хороша, но, если не оформлена подобающим образом, грош ей цена.

Раиса, конечно, всё это знала, но переступить через себя было трудно: не привыкла она обременять кого-то своими проблемами.

Четверть началась суматошно. До конференции гимназистов оставалось совсем немного времени. Кто-то из учеников уже наводил на работу макияж, набирая готовый текст на компьютере, кто-то только переписывал начисто черновики. Нашёлся выход и у Раисы. В шестом «А» у неё учился Рустам, неуспевающий по языку, и Раиса договорилась с его мамой позаниматься с ним дополнительно, за то, что та оформит работу Кати.

Через два дня ажиотаж по подготовке к первой научной конференции достиг апогея. Дети осаждали учителей с просьбой о последних консультациях, учителя забрасывали друг друга вопросами: где проводить секционные, писать ли на работы рецензии, как правильно оформлять титульные листы, как награждать лучшие работы.

В субботу, наконец, мероприятие состоялось. Гимназисты защищали свои первые в жизни научные труды. Учителя поддерживали их добрыми наставлениями. Завуч по внеклассной работе, Александр Иосифович, перебежал из кабинета в кабинет, фотографируя участников мероприятия то в роли докладчиков за кафедрой, то слушателями выступлений, то и тех и других вместе.

Для Раисы всё складывалось нормально. Работа дочери была оценена по достоинству. На февральской областной олимпиаде Катюша заняла призовое место, что обеспечивало

поступление в университет по собеседованию. Однако материальные проблемы продолжали быть слишком ощутимыми. Накапливались долги за квартиру. Месячная цена за газ была равна месячной зарплате. Приходя на базар, она терялась: что купить в первую очередь? Нужно абсолютно всё, а денег – только на кусочек дешёвого мяса, или на овощи, или на сметану и творог. Как не заболеть от недоедания?

Как-то, увидев, в какой обуви ходит Раиса, одна из родительниц предложила ей позаниматься со своей дочерью.

Девочка училась хорошо и не нуждалась в дополнительных занятиях, но Раиса, преодолев стыд, согласилась.

Попадались частные уроки и другого плана. Рая согласилась подтянуть ученицу, приехавшую с родителями из Азербайджана.

Она приходила к девочке домой и помогала выполнять той уроки. С оплатой ей не спешили. Через занятий двадцать – дали надорванную мятую купюру в десять долларов.

Отзвенел последний школьный звонок. Подходили к концу экзамены. В учительской уже никто не жаловался на безденежье. К нему привыкли. Не заводили разговоры и о поездках. Куда без денег ехать? Значит, и толковать об этом лишнее.

«Чего ты, Райка, считаешь, что из отпуска лучше раньше выйти? Потому что начальства ещё нет? – спрашивала у Раисы Маргарита. – Твоё счастье, что живёшь близко к гимназии, а попробовала бы ты поехать на работу в троллейбусе, в жару, – продолжала она. – Впереди стоит здоровила. Я ему говорю: „Опустите руку!“ Он меня не слышит. А я дышу его подмышкой. Всем, что там накопилось. А ты знаешь, сколько я за месяц денег проезжаю? Но и экономить, правда, тоже умею». И Марго рассказывает о своём опыте проезда. Она заходит в троллейбус и начинает в упор смотреть на кондуктора. Взгляд оценивается кондуктором в качестве проезда. К разговору присоединяется Инночка, учительница пения: «А я делаю по-другому, – доверительно начинает она. – Проскакиваю через переднюю дверь. Сажусь, достаю книгу и читаю. Кондуктор не смеет меня побеспокоить. Если и находится такой нахал, я показываю ему позавчерашний билетик. Или ещё вариант. Захожу в троллейбус и даю кондуктору двадцатку. Сдачи, чаще всего, нет. Я говорю: „У меня ещё есть десять копеек. Билетика не надо“. Срабатывает».

Перед отпуском даже дали зарплату за май и июнь. Раиса купила подержанную вязальную машину, нитки и начала вязать детские свитера. Одежда не раскупалась: то ли не сезон был, то ли причина – всеобщее безденежье. Рая ходила по базару с товаром и боялась встречи со своими учениками: уж слишком контрастна оказалась её летняя нынешняя роль с учительской работой. Особенно стыдно было стоять на улице, рядом с такими же торговками по нужде. Хоть в глаза проходим не смотри. Алычу продавать, казалось, легче, и брали её охотнее.

Питались, в основном, тем, что было выращено на даче. Иногда Раиса бегала в лес за грибами, ходила на продовольственный склад, где вместо денег, как одинокой маме, ей выдавали продукты: белую пенящуюся кислую смесь, называемую завскладом сметаной. Изредка ходила пешком на речку. Через загазованные пыльные улицы, по жаре, но зато к воде и к относительному покою.

Катюша поступила по собеседованию в университет. Обошлось, как говорится, малой кровью: бутылкой коньяка, ведром вишни да литровой банкой малины председателю комиссии, чью дочь в гимназии Рая учила.

Учебный год начался как-то очень тяжело. Приходила домой с работы, что-то ела и ложилась отдохнуть. Но усталость не проходила. Она чувствовалась и по утрам.

Радовала Катюша. Она делилась с матерью первыми студенческими впечатлениями, рассказывая о сокурсниках и преподавателях.

Работа заменяла Рае многое. Она любила детей, её увлекали творческий процесс подготовки к урокам и их проведение. Но, как всегда, подрезали крылья безденежье, бытовая

неустроенность. В раковине на кухне начал протекать кран. Сантехник из жека на просьбу прийти, починить, ответил: «Ты квартиру на меня перепиши, тогда и починю». Уже давно вышли из строя стиральная машина и телевизор. Квартирные долги погашались частями.

Зимой кому-то из учителей пришло письмо от Александры, бывшей учительницы начальных классов, уехавшей год назад на заработки. Она уволилась из гимназии неожиданно для всех. Жила одна, единственной радостью её были ученики, которым она отдавала все силы и время. И вдруг, никому ничего не говоря, уволилась и укатила в Италию. Теперь писала, что работает под Римом, в семье. Получает в десять раз больше, нажимая на кнопки у кого-то в доме. Так Саша убирала квартиру.

Раиса всё чаще задумывалась о том, что для неё уехать, как Александра, было бы единственным выходом из создавшейся жизненной ситуации. Но где взять денег на оформление заграничного паспорта? А на путёвку? В те времена женщины отправлялись на заработки в Италию, открывая туристические визы. Это стоило от пятисот до семисот долларов, и делалось всё очень быстро. Можно было обратиться в туристическую фирму для покупки «путёвки» и через неделю уже уехать. О том, что никто из подобных «туристических поездок» не возвращался, знали все, но кому-то этот бизнес был на руку.

Рая решила на отъезд и стала искать знакомых, кто мог бы занять денег и встретить в Италии. Деньги одолжила под проценты родственница. Одна из подруг пообещала встретить и помочь устроиться в Милане. Катя к тому времени уже училась на втором курсе и была вполне самостоятельной.

Раиса уволилась из гимназии двенадцатого февраля, а семнадцатого утром уже проводила свой первый день в чужом городе, казавшимся ей другой планетой. Новые подруги сразу же дали ей две пары обуви от преставившейся недавно старушки и угостили шампанским.

Вечером Раиса приступила к своей новой работе, заключавшейся в уходе за старой парализованной синьорой.

Страница жизни перевернулась.

Долгие годы она проработает в Италии, но в снах всегда будет со своими учениками и коллегами, и ей будут сниться уроки, которые даёт.

Ануца (Новелла)

Тамара первая из семьи приехала из обнищавшего молдавского села на заработки в Италию. Устроившись при помощи односельчанок сиделкой в Милане, она прислала и сестре денег на дорогу в «обетованный край». Вскоре Ануца, оставив двух сыновей-подростков и мужа, последовала за сестрой. Уезжать в неизвестность было трудно. Это походило на умирание: не видеть больше ни детей, ни мужа, ни друзей; оторваться от привычных дел, хлопот, мыслей. А что впереди? Но другого выхода не было. Так её жизнь была отдана на заклятие семье. Деньги, заработанные за границей, пойдут на учёбу, пропитание, одежду для детей и на дело для мужа: дом отстроит. И приедет Ануца, как мечталось супругам, года через два, не больше, и заживут они счастливо и в достатке!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.